№ 49251.
XV № 182
брош II 81
B139
132

РАЗСКАЗЫ
ОЧЕВИДЦЕВЪ
О ВОЙНѢ.

Книжка вторая.

В 139
132

РАЗСКАЗЫ
ОЧЕВИДЦЕВЪ
О ВОЙНѢ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА.—1914.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
672802 VV

В 139 — 132

Разсказы очевидцевъ о войнѣ.

Все равно—уѣду.

Въ перевязочной московскаго военнаго госпиталя лежитъ совсѣмъ молоденькій офицеръ. Почти мальчикъ, небольшого роста, тоненькій и блѣдный, съ русыми усиками. Лѣвая рука увязана подъ курткой, ненадѣтой въ лѣвый рукавъ.

— Такой вы молоденькій, — не страшновато было?

— Въ первый день съ непривычки непріятно было, — сказалъ онъ просто и откровенно,—дико какъ-то. Снаряды свистятъ, люди возлѣ падаютъ. А потомъ ничего, быстро свыкаешься.

— И вы хотите опять назадъ?

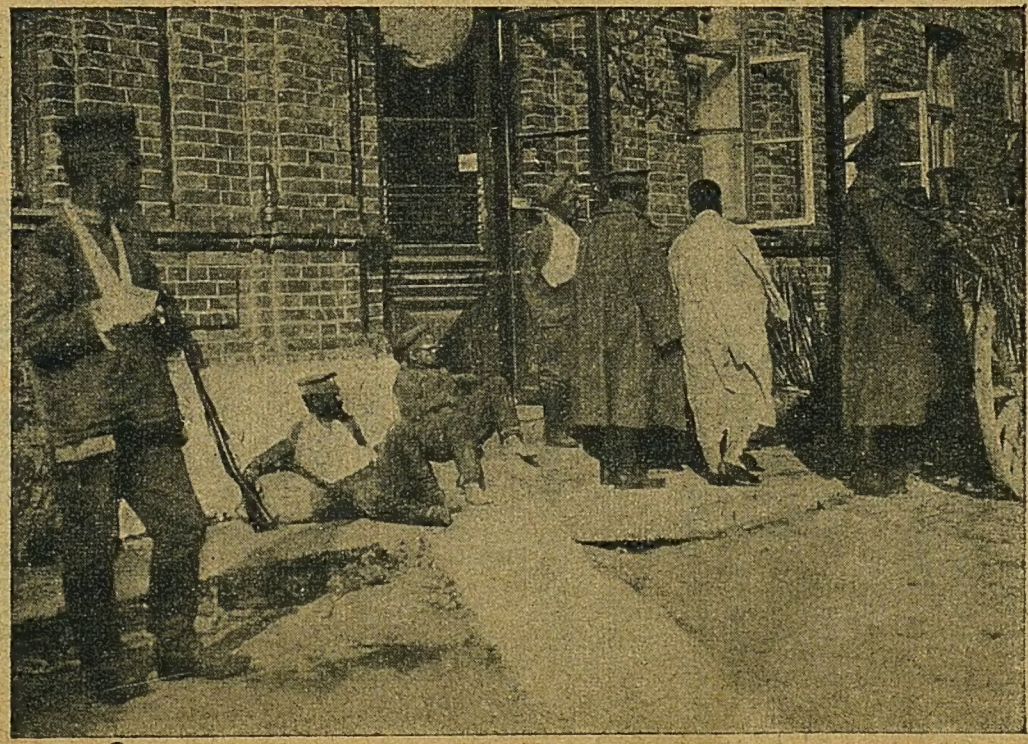
— А что же здѣсь оставаться? Зачѣмъ!—сказалъ онъ слабымъ, сиповатымъ голосомъ и съ тихимъ упрямствомъ скользнулъ глазами на своего отца, старшаго врача этого госпиталя.

— Раньше шести мѣсяцевъ и думать нечего,—поспѣшилъ сказать ординаторъ.

Юноша ничего не отвѣтилъ, но какъ-то потемнѣлъ, сдерживаясь, и на лбу образовалась морщина.

— Вонъ, видите, онъ уже отъ разговора усталъ,—указалъ ординаторъ на его потускнѣвшее лицо.

Но юноша, очевидно, усталъ отъ ухода, отъ заботъ о немъ, отъ безплодныхъ отговоровъ его отъ войны, отъ нервнаго нетерпѣнія. „Все равно уѣду“, говорила упрямая морщина на лбу. Онъ былъ изъ тѣхъ, вкусившихъ огненнаго напитка браннаго пира, психологія которыхъ для насъ сейчасъ удивительна, умилительна и непонятна, и которые



Въ ожиданіи перевязки у полевого госпиталя.

съ искреннимъ, страстнымъ нетерпѣніемъ рвутся назадъ, на грохотъ и ревъ войны.

А такихъ въ госпиталѣ, видимо, немало. Врачи разсказываютъ, что и офицеры и многіе нижніе чины умоляютъ поскорѣе подлѣчить и выписать ихъ, чтобы снова помчаться на боевыя позиціи.

Хорошіе у насъ офицеры.

Въ одномъ изъ вагоновъ группа солдатъ ведетъ оживленную веселую бесѣду. Солдатъ-костромичъ почти съ ликованіемъ разсказываетъ о своемъ дѣлѣ.

— Ну, наши ничего! Какъ начнемъ ихъ жучить изъ винтовокъ!.. Ротный командиръ у насъ все время впереди съ винтовкой, бѣжитъ и стрѣляетъ, бѣжитъ и стрѣляетъ. Впередъ всѣхъ. Пра, ей Богу! Хорошіе у насъ офицеры. Ну, и солдаты не побѣгутъ.

— Не побѣгутъ!—скептически возражаетъ черниговецъ. — Ежели наступаютъ, не побѣгутъ. А коль въ отступленіе? Всѣ ушли, а ты впереди остался?

— Мы впередъ шли, не отступали,—упрямо говоритъ маленькій костромичъ.

— Разсказывай,—горячится черниговецъ, — а ежели вонъ какъ у насъ: стрѣляетъ съ фронту, а вдругъ обошелъ сбоку, да и сталъ чистить вдоль. Глядь: ротный упалъ, фельдфебель упалъ, взводный упалъ. И пошло косить. Тутъ тебѣ стоять?

— Ну, что же, побѣжали?—спросили нетерпѣливо изъ публики.

— Зачѣмъ побѣжали?—съ неудовольствіемъ сказалъ черниговецъ.— Отступили къ лѣсу. Я говорю, стоять-то подъ огнемъ не къ чему.

Слова „бѣжать“, какъ и дальше изъ многихъ разговоровъ выяснилось, раненые не любятъ и какъ бы не знаютъ.

— Отступили, отошли,—говорятъ они серьезно.

Стой, ребята, закуривай.

— Мы на позиціи, — улыбаясь, разсказываетъ заросшій русой щетиной солдатъ,—стрѣляемъ, стрѣляемъ, винтовка раскалилась: стой, ребята! Закуривай! Которые стрѣляютъ, которые курятъ. Потомъ опять начнемъ жарить.

— У насъ ушли впередъ въ развѣдку, — оживленно разсказываетъ молодой бѣлобрысый солдатъ,—осталось насъ всего полроты. Вдругъ щелкъ-щелкъ непріятель. Изъ лѣсочка. И много будто его. Ну, мы отошли къ четвертой ротѣ, сговорились,—и впередъ. Вдругъ они бѣлыми платками машутъ. „Стойте,—говоримъ,—не наши ли взадъ обернулись. Не въ своихъ ли стрѣляемъ?“ Сбѣгалъ я къ взводному, взялъ бинокль, смотрю: нѣтъ, австріяки. Ахъ, шутъ васъ... Ну, мы трахъ-трахъ. Потомъ въ штыки, окружили ихъ въ кустахъ. А они по-

Офицеръ пришелъ справиться о своихъ раненыхъ.

бросали ружья, руки вверхъ. 300 человѣкъ забрали.

— А васъ сколько было?

— Да человѣкъ сто, что ли.

— Ха-ха-ха! — довольно смѣются раненые, поправляя—кто руку на перевязи, кто забинтованную голову.

— А у насъ шестая рота батальонъ въ плѣнъ взяла. Тысячу человѣкъ.

— Ну!..—недовѣрчиво возражаетъ одинъ изъ раненыхъ.

— Нѣтъ, вѣрно,—подтверждаетъ другой голосъ,—тоже этакъ въ лѣсу обошли ихъ съ тылу, они напугались, руки вверхъ.

— Другіе нарочно въ лѣсъ убѣгутъ, въ ямку сядутъ и сейчасъ руки кверху, какъ наши пойдутъ.

— Ну, тоже и хитры они,—возражаетъ другой,—у насъ этакъ же машутъ бѣлыми платками, а мы безъ вниманія стрѣляемъ. Взводный кричитъ: „Перестать! Сдаются!“ А мы стрѣляемъ. Тоже случалось: повѣ-

рищь ихъ платкамъ, пойдешь къ нимъ кучкой, а они и полыснутъ залпомъ.

И въ этой группѣ хвалятъ офицеровъ.

— Впереди всѣхъ. Такъ и бѣгутъ. Сколько побило ихъ, страсть.

Это не Японія. За себя воюемъ!

Тяжело раненъ въ голову. Пуля засѣла въ костяхъ черепа. А онъ забылъ о ней и съ увлеченіемъ разсказываетъ о бояхъ въ Галиціи.

— Дерутся наши храбро. И нижніе чины и офицеры. Это—не Японія. Теперь не то.

— А вы были въ Японіи?—спросилъ я, поглядѣвъ на его немолодое лицо.

— Былъ. Три года служилъ на Дальнемъ Востокѣ. И всю японскую войну провелъ. Получилъ рану въ голову.

Раненый за участіе въ войнѣ былъ произведенъ въ зауряд̀ъ прапорщики. Современная война представляется ему совсѣмъ иной: она полна искренняго воодушевленія.

— Настроеніе совсѣмъ другое,— съ увѣренностью говорилъ онъ.— Еще бы! За себя воюемъ. Пришли мы вонъ въ тѣ губерніи, а наши русскіе крестьяне встрѣчаютъ насъ въ лѣсахъ. Плачутъ. Деревни у нихъ австрійцы сожгли, имущество разграбили. Развѣ солдатъ будетъ тутъ спокоенъ?

Въ его взорѣ видна месть за своихъ.

Съ видимою радостью разсказываетъ о томъ, какъ они „выбивали“ непріятеля изъ своей земли.

— Поспѣшно начали отступать,— говорилъ онъ,—нѣкоторыя мѣстечки съ окопами безъ боя уступали. Мы даже удивлялись. Корпусъ противъ корпуса, равныя силы, а отходятъ. Должно-быть, здорово они напугались во Владимирѣ-Волынскомъ. На-

ши спрятались въ осаду. А издали изрѣдка съ нашей батареи пострѣливали изъ орудій. Непріятель думалъ, что наши далеко отступили. Подошелъ,—его изъ пулеметовъ и расчесали. Два батальона и конница... Такъ стѣной и полегли.

— А изъ одного мѣстечка,—вспоминалъ онъ,—мы ихъ вышибли,—куръ за нихъ доѣдали. Наловили, нарѣзали, а съѣсть не успѣли,—бѣжали. Скота тоже много порѣзали. Крестьянъ били. Австріяки еще ничего. А вотъ венгерцы—злющій народъ. На русскихъ эти, конечно, еще злы за 48-й годъ. Россія тогда Венгрію усмиряла.

— А вы и это помните?

— А какъ же,—просто сказалъ онъ,—я исторію читалъ.

Рвутся обратно!

Отъ офицера до простого солдата почти всѣ раненые стремятся возвратиться въ строй.

Дѣло войны, повидимому, затягиваетъ, увлекаетъ, и тому, кто разъ испыталъ это притяженіе, уже трудно отъ него освободиться. „Хочется въ свой полкъ, своихъ посмотрѣть, какъ-то они тамъ съ нѣмцемъ управляются“, говорилъ простой солдатъ. „Знаете, теперь мнѣ уже недостаетъ тѣхъ ощущеній, которыя я переживалъ на полѣ битвы“, говорилъ человѣкъ интеллигентный, офицеръ, раненый при Маргграбовѣ.

Какая-такая трава за границей.

Каждой войсковой части приходится дѣйствовать въ очень маленькомъ районѣ. Что дѣлается по обѣ стороны его ближайшей части—солдатъ не знаетъ. Онъ только чувствуетъ ту цѣль, которой онъ долженъ достигнуть. Итти впередъ для него большая радость. Переходя границу, они съ трудомъ запомина-

ютъ названіе мѣстностей: „названіе нѣмецкое нѣшто упомнишь!“ Но тотъ фактъ, что они на нѣмецкой землѣ, доставляетъ ему громадное удовольствіе.

„Когда перешли границу, то-то была радость!—разсказывалъ одинъ.—Тотчасъ сдѣлали привалъ, смотримъ, какая-такая трава за границей,—та же ли, что и у насъ“.

Очень ужъ жаль! Интересно!

— Докторъ! Докторъ... Ради Бога!..—раздался изъ угла пустой комнаты, задыхающійся, страдальческій голосъ.—Ради Бога... Дайте испить... Умираю!..

Съ постели въ полутемнотѣ смотрѣло бѣлое лицо мертвеца, съ бѣлыми губами, съ неестественно расширенными и горящими глазами.

— Ради Бога!.. Уми... умираю!.. Испить... А? Докторъ...

— Можно, можно,—быстро и ласково сказалъ докторъ, притронув-

шись къ мертвенно-бѣлой рукѣ больного.—Теперь можно. Дайте ему, сестрица.

Пока раненый жадно и благодарно глоталъ блѣдными губами съ ложечки отъ сестры теплый чай, докторъ быстро и бодро разсказывалъ:

— Обратите вниманіе на его невѣроятную блѣдность. Пуля перебила артерію у бедра, и онъ истекъ кровью. Бутылки три, вѣроятно, вышло. Сегодня дѣлали операцію. Очень удачно. Теперь онъ поправится. Теперь ужъ ты поправишься,—ласково наклонился онъ къ бѣлому лицу больного,—слышишь, дружокъ?

Раненый молча глядѣлъ на него блестящими, любящими глазами.

— Гдѣ васъ ранили?

— Въ Германіи.

— Съ Самсоновымъ?

— Самсоновъ на второй... на второй день убитъ... послѣ меня...

— А вы сколько разъ въ бою были?

Тяжелая операція! Въ операціонномъ лазаретѣ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

— Два раза. Только два раза,— и мертвенное лицо его вдругъ оживилось, зацвѣло улыбкой. — А тутъ и поймалъ. Очень ужъ жаль. Интересно.

— Да что же, другъ мой, интересно?

— Да интересно,—говорилъ онъ съ оживленной улыбкой,— интересно бы поглядѣть кой-что. Поглядѣть бы.

И онъ хотѣлъ вступить въ дружескій подробный разговоръ, но докторъ запретилъ, такъ какъ ему въ этотъ день была операція.

Одно обидно — по собственной неосторожности!

Очень интересенъ разсказъ одного полковника, раненаго въ первые дни послѣ нашего перехода черезъ прусскую границу. Въ то время, какъ полкъ перебѣгалъ, приближаясь къ непріятелю, полковникъ сто-

ялъ въ сторонѣ, на открытомъ мѣстѣ, и въ бинокль разсматривалъ движенія нѣмцевъ. Видно все было отчетливо, вплоть до мелкихъ отличій на мундирахъ. И это наблюденіе такъ его увлекло, что онъ не могъ рѣшиться покинуть свой постъ, когда нѣмцы уже начали его обстрѣливать. Наконецъ, онъ замѣтилъ, что сдѣлался опредѣленной мишенью стрѣльбы. Нѣмцы «пристрѣливались»: одна пуля пролетитъ слѣва, другая—справа, третья—опять слѣва. «Такое было впечатлѣніе, — говорилъ полковникъ, — словно меня берутъ въ желѣзныя клещи». Тогда онъ легъ и попытался добраться къ своимъ; но было уже поздно,—пуля его настигла и пробила грудь навылетъ. Онъ упалъ и могъ бы погибнуть, если бы не храбрость адъютанта полка, который самъ бросился къ раненому и на плечахъ вынесъ его подъ градомъ пуль.

— Одно обидно,—заключалъ полковникъ,—что отчасти по собствен-

ной неосторожности (свою храбрость онъ скромно называлъ неосторожностью) я выбылъ изъ строя. А теперь каждый человѣкъ въ арміи нуженъ. Постараюсь скорѣе поправиться и вернусь къ полку.

Это заключеніе — «вернусь къ полку» — повторяютъ всѣ, и солдаты и офицеры. Чувствуется, что вся армія понимаетъ серьезность идущей борьбы и одушевлена желаніемъ биться и во что бы то ни стало доставить Россіи побѣду.

Нашъ даромъ пуль не пускаетъ!

Всѣ, съ кѣмъ приходилось говорить, единогласно свидѣтельствуютъ, что наша ружейная стрѣльба выше нѣмецкой. „Нашъ даромъ пуль не пускаетъ, — говорилъ одинъ солдатъ,—больше двухъ на одного человѣка не потратитъ: первой пристрѣляется, а второй — свалитъ. А

нѣмцы такъ, безъ порядку палятъ". Всѣ также согласны, что русское ружье лучше нѣмецкаго. «Иные,— разсказывалъ тотъ же солдатъ,— ежели свое ружье попортится, берутъ нѣмецкое (много ихъ тамъ на полѣ валяется); но я никогда своего на нѣмецкое не промѣняю,—и прицѣлъ хуже, и достаетъ не такъ далеко».

Впрочемъ, о германской артиллеріи всѣ отзываются почтительно: «Умѣютъ стрѣлять, пожалуй, не хуже насъ».

Все очень просто.

Участники боевъ солдаты о самомъ боѣ разсказываютъ почти всегда очень кратко. При нынѣшней войнѣ, когда фронтъ растянутъ на десятки и сотни верстъ, цѣлая картина боя имѣется только у лицъ, принадлежащихъ къ бывшему командному составу. Рядовые солда-

ты это представляютъ себѣ очень просто.

— Шли это, значитъ, по полю, а тутъ ранили въ руку. Кость раздробило. И это повезли, значитъ, и сюды привезли.

На вопросы о подробностяхъ отвѣчаютъ, подумавъ:

— Конечно, еще бы не страшно. Трещитъ около-то. Пули, орудія, пулеметы. Всего было.

Но говорятъ спокойно, улыбаясь, безъ аховъ и безъ жестовъ, чуть ли не изъ вѣжливости соглашаясь, что было страшновато. Какъ будто тогда испугаться не успѣли, а послѣ нечего было пугаться: прошло. Въ этомъ спокойствіи, можетъ-быть, и есть главная русская сила.

Одинъ молодой вольноопредѣляющійся разсказывалъ мнѣ, что жуткое чувство онъ испытывалъ только въ первые полчаса, во время боя, длившагося съ утра до вечера. Потомъ все совершающееся стало ему казаться рядомъ упраж-

неній, которыя должно выполнить: лечь, окопаться, перебѣжать, стрѣлять. Когда онъ лежалъ за маленькимъ окопомъ, ему неудержимо хотѣлось поднять голову и посмотрѣть, что дѣлается вокругъ, хотя пули свистали надъ самой головой. Одна изъ этихъ пуль вонзилась въ землю около него: и вотъ ему столь же неудержимо захотѣлось пощупать рукой, глубоко ли эта пуля вошла въ землю, хотя и другія ударилась поблизости, тутъ же.

Съ ружьемъ.

Москва съ большимъ вниманіемъ встрѣчаетъ раненыхъ героевъ. Громадныя толпы народа, крики „ура“, цвѣты и деньги сыплются въ вагоны трамвая и автомобили. Автомобили дали общества и частныя лица—считаютъ за честь отвезти раненыхъ въ к.-л. лазаретъ. Вотъ разсказъ одного автомобилиста;

— Первый раненый, котораго я имѣлъ честь отвезти,—мой первый раненый, — рядовой Александръ Морковскій.

Бравый полякъ изъ Сувалкской губерніи.

Съ самой границы.

Запасный.

Седьмого августа его ударило осколкомъ шрапнели въ лѣвый глазъ.

При этомъ страшномъ ударѣ онъ все-таки не выпустилъ ружья изъ рукъ.

Съ ружьемъ въ рукѣ онъ пріѣхалъ въ поѣздѣ. Съ ружьемъ вышелъ изъ вагона.

Когда садился въ автомобиль, санитаръ предложилъ:

— Дай, милый, я подержу тебѣ ружье.

Но онъ крѣпко держалъ въ рукѣ свое ружье.

Съ ружьемъ сѣлъ въ автомобиль, вышелъ, ни на минуту не выпуская ружья изъ рукъ.

Казаки навѣщаютъ своего товарища.

Съ ружьемъ сидѣлъ въ пріемной глазной больницы.

Съ ружьемъ пошелъ въ палату.

Съ какой стати?!

Одинъ докторъ разсказывалъ, какъ въ его лазаретъ доставили одного легко раненаго въ руку унтеръ-офицера. Онъ самъ въ бою перевязалъ рану и послѣ этого еще три дня участвовалъ въ бояхъ. Въ четвертый пошелъ къ доктору, чтобы ему сдѣлали настоящую перевязку. Его прислали въ Москву.

— И вдругъ меня воротили назадъ въ Россію. Съ какой стати? Какой я раненый?

Требуетъ, чтобы его какъ здороваго воротили въ дѣйствующую армію.

Снова въ путь-дороженьку!

Одинъ офицеръ, раненый въ бою при Князевѣ, разсказывалъ:

— Когда арьергарды австрійскихъ авалеристовъ были окончательно

вытѣснены изъ предѣловъ Подольской губерніи, наша армія начала правильное наступленіе.

Стояла невыносимая жара. Въ день проходили по сорока верстъ. Наши солдаты чувствовали себя превосходно.

Каждый ждалъ боя, но австрійцы все отступали и отступали.

Старанія нашихъ войскъ дать сраженіе были тщетны.

Но вотъ разыгралась большая стычка.

Наши передовые отряды заняли Броды.

Жители всѣ радостно привѣтствовали вступленіе небольшой пѣхотной колонны, несли нашимъ солдатамъ угощенія.

На разсвѣтѣ двинулись впередъ.

Сначала встрѣчались непріятельскіе уланы, потомъ пѣхотинцы.

Завязались стычки, которыя переходили постепенно въ отдѣльныя небольшія сраженія. Побѣда всегда была на нашей сторонѣ.

Недалеко отъ Львова, у городка Князева, казаки сообщили намъ, что тутъ расположился цѣлый корпусъ непріятеля.

Данъ былъ сигналъ приготовиться къ бою.

Подъ прикрытіемъ нашей артилеріи мы добрались до непріятельской позиціи.

Начался бой,—бой неравный, ибо у насъ было всего нѣсколько полковъ, у австрійцевъ же былъ цѣлый корпусъ.

Видя, что насъ немного, австрійцы пошли въ штыки, но вышло смѣшно. Сотнями они начали сдаваться и ложиться.

Австрійцы отступили.

Мы начали подбирать трофеи, но это, въ концѣ-концовъ, надоѣло.

Черезъ нѣсколько времени подошло къ намъ подкрѣпленіе, и мы снова вступили въ бой.

Бой былъ кровопролитный и сражающіеся не разъ переходили въ

штыки, но больше дѣйствовала стрѣлковая цѣпь.

Наконецъ австрійцы были сломлены и начали отступать, оставляя пулеметы, зарядные ящики и ружья.

Въ это время я былъ раненъ въ ногу, но легко, и продолжалъ оставаться въ строю.

Верстахъ въ 30 отъ Львова меня сразила снова пуля въ руку. Я оставилъ строй и былъ направленъ въ Кіевъ.

— Мое желаніе, – закончилъ офицеръ свой разсказъ,—чтобы скорѣе извлекли застрявшую пулю въ ногѣ и чтобъ зажила рука. Тогда пойдемъ снова въ путь-дороженьку.

Съ народомъ!..

Вспомните японскую войну. Народъ положительно не понималъ: гдѣ война, за что, почему? Мучительный вопросъ такъ и остался не разгаданнымъ. А на сердцахъ

призванныхъ камнемъ лежала ненависть къ войнѣ, со злобой и уныло шли они въ неизвѣстность. Это не предсказывало побѣды.

Народъ, оставшійся дома, молча, угрюмо, безъ слова привѣта и бодрости провожалъ солдатъ.

Война кончилась пораженіемъ.

Совсѣмъ не то въ современной великой войнѣ. „Народъ принялъ войну“. Спокойно дѣловито провожаетъ онъ своихъ сыновъ на поле брани, безъ шума и треска, благословлялъ на „правое дѣло“.

— Ну что, пріятель, идешь?

— Да, какъ же, иду!

— Ну, милый, счастливо... Съ народомъ...

— Дай вамъ Богъ успѣха. Съ Богомъ...

Короткій, но многозначащій разговоръ.

А когда раненые возвращаются съ поля славы, тотъ же „спокойный“ народъ встрѣчаетъ ихъ какъ дорогихъ гостей и уже шумно, съ тор-

жествомъ. Осыпаютъ ихъ цвѣтами, подарками и деньгами.

Это ясный признакъ грядущей полной побѣды.

Не бойтесь!

Въ Москвѣ на Александровскомъ вокзалѣ ждутъ первыхъ поѣздовъ съ ранеными. Толпа народа. У всѣхъ невѣроятное напряженіе. Хочется „видѣть“ раненаго, хочется посмотрѣть, каковы теперь они, видѣвшіе смерть вокругъ, пролившіе свою кровь за насъ, за страну, за наше свѣтлое будущее и за братьевъ славянъ.

Прибылъ поѣздъ. Жуткая тишина. Всѣ взгляды туда, откуда должны выйти наши герои, откуда должны показаться носилки и тяжело раненые...

Они показались. Громовые раскаты ура. Легко раненыхъ посадили въ автомобили. Тронулись. Народъ

преградилъ имъ путь, бросился къ нимъ съ цвѣтами, папиросами, фруктами...

Они сѣрые, усталые, но удивительно бодрые духомъ. Кланяются, кричатъ:

— Не бойтесь, наша беретъ!

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА